

ЛИВ КОНСТАНТИН

АВТОР МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«ПОСЛЕДНЯЯ МИССИС ПЭРРИШ»

НЕЗНАКОМКА В ЗЕРКАЛЕ

18+

триллер

МИО

МИФ Проза

ЛИВ КОНСТАНТИН

Незнакомка в зеркале

«Манн, Иванов и Фербер»

2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Coe)6-49

Константин Л.

Незнакомка в зеркале / Л. Константин — «Манн, Иванов и Фербер», 2021 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-169980-4

Главная героиня Эддисон собирается выйти замуж за замечательного человека. Проблема в том, что она до конца не знает, кто она на самом деле. Несколько лет назад Эддисон нашли истекающей кровью на обочине шоссе. Она так и не смогла вспомнить свое имя и как она туда попала. Что, если она уже замужем за кем-то другим? И почему она чувствует, что могла совершить преступление? Тем временем Джулиан в своем доме в пригороде Бостона живет с семилетней дочерью Валентиной и пытается выяснить, что случилось с его любящей, заботливой женой, которая бесследно исчезла. Она никогда бы не бросила его и любимую дочь по собственному желанию. Или же?.. Пока две сюжетные линии стремятся к драматическому завершению, авторы искусно используют психологические приемы. Каждый раз, когда читатель думает, что видит разгадку, – он ошибается, принимая ложь за истину. Для кого эта книга Для читателей психологических триллеров, детективов и мистификаций. Для любителей историй в духе «Бегущего в лабиринте» Джеймса Дэшнера или «Пассажира» Жана-Кристофа Гранже. Для всех, кто любит книги с нестандартными поворотами сюжета и непредсказуемым финалом. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Coe)6-49

ISBN 978-5-00-169980-4

© Константин Л., 2021

© Манн, Иванов и Фербер, 2021

Содержание

Часть I	9
1. Эддисон	9
2. Джулиан	11
3. Эддисон	13
4. Эддисон	17
5. Джулиан	21
6. Блайт	23
7. Эддисон	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лив Константин

Незнакомка в зеркале

Original title:

THE STRANGER IN THE MIRROR

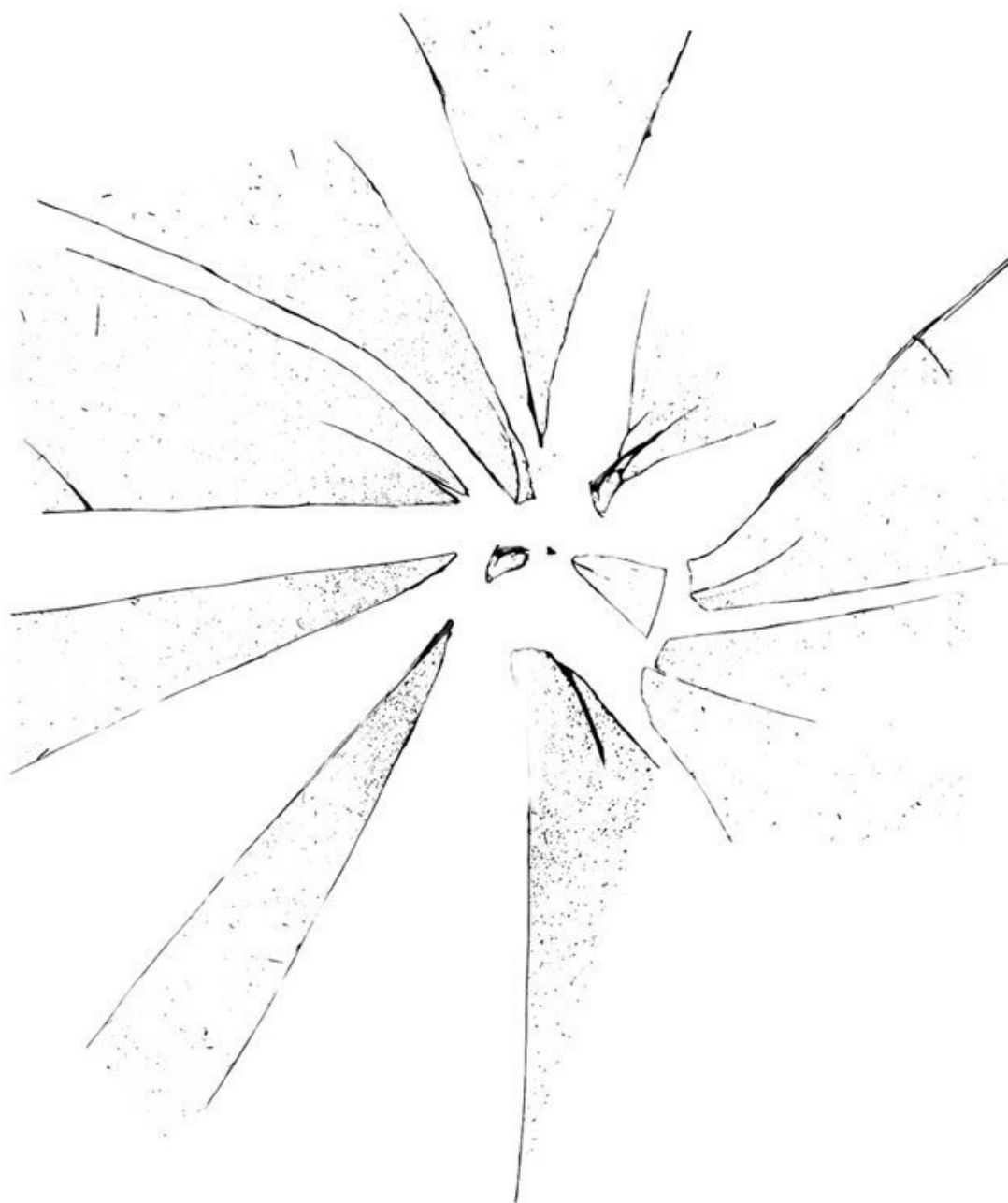
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© 2021 by Lynne Constantine and Valerie Constantine. Published by arrangement with Harper Wave, an imprint of HarperCollins Publishers

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Посвящается Хани и Линн – вы для нас намного больше, чем невестки. И вы самое блестящее достижение наших братьев

Прошлое не бывает мертво. А это даже не прошлое.
У. Фолкнер «Реквием по монахине»¹

¹ Пер. Д. Вознякевич. Здесь и далее прим. пер.

Часть I

1. Эддисон

Мне хотелось бы думать, что я хороший человек, но точно мне этого не узнать. Я не помню своего настоящего имени, откуда я, есть ли у меня семья. Наверное, где-то у меня есть друзья, но я помню только тех, с кем познакомилась в последние два года – с тех пор, как родилась заново. Все предыдущие воспоминания стерлись без следа. Я не помню, откуда взялся серповидный шрам на колене или почему меня тошнит от запаха роз. Здесь и сейчас – единственное, что у меня есть, и то порой это звучит неубедительно. Некоторые вещи я знаю точно. Шоколадное мороженое я люблю больше ванильного и очень люблю смотреть, как заходящее солнце окрашивает сумеречное небо в розовый и ярко-оранжевый. Еще очень люблю фотографировать. Наверное, выглядывать из-за камеры мне комфортнее. Слишком уж больно заглядывать внутрь себя, когда смотреть особенно не на что.

Сегодня чудесный сентябрьский день, мы празднуем мою помолвку. Люди вокруг говорят, что любят меня, но кого они любят на самом деле? Как можно по-настоящему знать человека, если все его прошлое лежит в неизвестности? Рядом сидит Гэбриел, мой жених, его полный обожания взгляд греет меня. Он из тех людей, у кого смеются глаза, в его компании всегда становится хорошо. И один из тех, кто помогает мне отыскать подлинные фрагменты моей личности. Я фотографирую. Гэбриел говорит, что у меня потрясающий талант. Не знаю, продвинулся ли далеко, но очень люблю это занятие. Позади камеры я снова становлюсь собой. Инстинкт говорит мне, что я любила фотографировать и долго этим занималась. Фотография спасла меня, дала средства к жизни и привела к Гэбриелу. Собственно, в октябре он организует мой дебют – выставку в галерее, принадлежащей его семье. Скоро это будет и моя семья.

Кто-то стучит по бокалу. Перевожу взгляд. Это Патрик, шафер Гэбриела:

– Как вы все знаете, мы с этим клоуном дружим с шести лет. Я мог бы целый день стоять тут перед вами и рассказывать байки. Но поскольку здесь присутствуют оба комплекта родителей, я избавлю вас от кровавых подробностей и скажу только, что мы успели и хорошо повеселиться, и хватить лиха. Я никогда не думал, что он остепенится. Но, увидев его вместе с Эддисон, в ту же минуту понял: все, пропал парень.

Патрик поднимает бокал, повернувшись к нам:

– За Эдди и Гэбриела. Живите долго и счастливо!

Мой взгляд обегает ресторан и останавливается на Дарси. Ее бокал поднят высоко, но улыбка кажется вымученной, а в глазах – печаль.

Мы все поднимаем бокалы и делаем глоток. Подружка невесты – Хейли, сестра Гэбриела, но она не может угостить собрание историями о нашем совместном прошлом, потому что, как и он сам, знает меня всего полгода. Несмотря на всеобщее праздничное настроение, на меня снова опускается мрак, и я чувствую себя опустошенной. Кажется, Гэбриел почувствовал эту перемену. Он сжимает мне под столом руку, наклоняется ближе и шепчет:

– Все хорошо?

Я сжимаю его руку в ответ, выдавливаю из себя улыбку и киваю, молясь, чтобы не капали слезы.

Теперь поднимается Джиджи и берет у Патрика микрофон:

– Конечно, я знаю Эддисон всего пару лет, но люблю ее – сильнее некуда. Ее появление в нашем доме – это такое благословение, что больше и просить не о чем.

Она смотрит на меня:

– Ты для нас как дочь, и мы с Эдом очень за тебя счастливы. За новую жизнь!

Я знаю, она хочет сказать мне что-то приятное, хотя трудно поднимать тост за новую жизнь, когда другой у тебя нет. Но я все же делаю это, потому что тоже люблю ее и потому что они с Эдом стараются заменить мне родителей, которых я потеряла. На свадьбе Эд поведет меня к алтарю, и я благодарна ему, но не могу отделаться от мысли, что где-то живет мой настоящий отец и гадает, что же со мной случилось. Вот почему я совершенно не в состоянии никого полностью принять в свое сердце. А если где-то обо мне горюют родители? Холодеют от ужаса при мысли о том, что со мной могло произойти или что я мертва? Или, еще хуже, вдруг никто и не ищет меня?

Доктора говорят, я должна набраться терпения. Память – хитрая штука. Чем больше я ее понукаю, тем она строптивее. У меня нет ни одного верного ключа к разгадке своей личности: ни удостоверения, ни мобильного с фотографиями или контактами. С другой стороны, какие-то намеки дает мое тело: кривые шрамы, которые имеют свою историю, но только мне ее не рассказывают.

2. Джулиан

Джулиан Хантер весь день ходил как в воду опущенный. Через несколько месяцев очередная годовщина свадьбы, а ему остается только утешаться воспоминаниями о былом счастье.

– Пап, расскажи еще раз, как вы с мамой женились.

Валентина уютно устроилась рядом с Джулианом и прильнула головой к его груди. Она широко улыбалась, ее зеленые глаза блестели в кольце пушистых ресниц, таких же угольно-черных, как волосы.

Он наклонился и поцеловал макушку семилетней дочери. Его снова накрыло знакомое чувство утраты, но он проглотил комок в горле и начал:

– Это был чудесный ноябрьский день, сплошное солнце. Мы поженились прямо здесь, в этом доме, в большой гостиной. Мама не разрешала мне смотреть на нее, и на свадебное платье тоже, пока не началась церемония. Сказала – дурная примета.

Джулиан улыбнулся воспоминаниям. Кассандра категорически настояла на том, чтобы не видеться с утра до самой церемонии.

– Ты что, действительно веришь в дурные приметы? – спросил он.

Кассандра посмотрела на него, широко раскрыв глаза, и ответила, что это на всякий случай. Джулиан считал себя рациональным человеком науки, а медицинская карьера показывала, что удача не имеет никакого отношения к тому, как протекает жизнь. Но он решил уступить.

– Дальше, пап, – подтолкнула его Валентина.

– Ну да. Так вот... Это была очень маленькая свадьба, горстка друзей и твой дедушка. Молоденькая студентка с музыкального факультета играла на виолончели, и под эти звуки мама вошла в комнату и направилась ко мне.

– Она была красивая?

– Да, Валентина. Очень красивая.

Тот миг воскрес у него перед глазами, заслонив собой все остальное. Кассандра замерла на пороге, под аркой. Платье из тонкой ткани с высоким воротником и длинными рукавами облегал ее стройную фигуру и спускается до полу. Она улыбается и идет через комнату, глядя ему прямо в глаза. Длинные черные волосы украшены белой гарденией, и он тронут этим любовным напоминанием о цветах, которые подарил ей, когда предлагал руку и сердце.

– Пап, еще, – потребовала Валентина.

– Хватит на сегодня, котенок. Пора спать.

Он осторожно встал с дивана, но дочка осталась сидеть.

– Ну пожалуйста, можно я еще немножко посижу?

Он наклонился, стрелб детскую ручку своей и осторожно поднял девочку на ноги.

– Увы, нет, малыш. А если бы мама узнала, что ты у меня так поздно не спишь, что бы она сказала?

Валентина помрачнела.

– Маме было бы все равно. Иначе она бы уже давно вернулась домой.

Джулиану нечего было ответить дочери. Он столько раз пытался объяснить ей, но беда в том, что никакого объяснения не было.

Он вспомнил, как видел Кассандру в последний раз, и его захлестнула привычная боль утраты и сожалений. Конечно, у них случались трудные периоды, как у любой пары. Кассандра бывала непостоянной и взбалмошной. Он старался не думать об их самой ужасной ссоре, когда они извергли друг на друга потоки таких злых слов, которых не взять назад. Он уже думал, что это конец и ему придется растить Валентину одному. Однако все чудесным образом наладилось. По крайней мере, на время. Прошло два года, как она бесследно пропала. Словно в воздухе растворилась. Но каждой частицей своего существа он верил, что ее найдут. Только

это давало ему силы жить дальше. И еще Валентина, конечно. Она была вылитая мать, те же лицо и волосы, а вот губы отцовские – яркие и полные.

Джулиан подвел дочку к лестнице, и они вместе поднялись на второй этаж.

– Так, сначала зубы, потом очень короткая сказка.

– Две сказки? – попросила Валентина, подойдя к белым шкафам с книгами, стоявшим вдоль стены ее розовой спальни.

– Мы и так засиделись, малыш. Уже поздно.

Уложив и поцеловав дочку на ночь, Джулиан неохотно отправился к себе в комнату. Еще на пороге его взгляд уперся в старинный туалетный столик, на котором спали духи и лосьоны Кассандры, точно так, как она их оставила, а рядом щетка для волос, усыпанная камушками, которую он подарил ей на первую годовщину свадьбы. Джулиан приблизился к столику, взял щетку Кассандры и поднес к носу. Он вообразил, будто может различить ее аромат, хотя знал, что обманывает себя. Положив щетку на место, он подошел к одному из больших стальных шкафов – *ее* шкафу – и распахнул дверцы. Внутри аккуратно висели все ее наряды, до которых никто не дотрагивался с тех пор, как она исчезла. Джулиан ни за что не хотел расставаться с ее вещами. Это значило бы, что она ушла навсегда.

3. Эддисон

– Подлить тебе чаю, дорогая? – спрашивает Джиджи, взяв керамический чайник.

– Да, спасибо.

Пододвигаю кружку, Джиджи наливает чай, а я смотрю на ее сильные пальцы с коротко остриженными, как ей положено по работе, ногтями без лака. Так и должна выглядеть рука медсестры – профессионально и уверенно. Но в остальном она вся – тепло и уют, от женственных изгибов фигуры и рыжих волос, собранных в мягкий и свободный пучок, до голубых глаз, в которых всегда горит искорка.

Сидя на их с Эдом уютной кухне, за массивным деревянным столом, я всегда чувствую себя окруженной заботой и в полной безопасности.

– Чудесный вечер был вчера, Эдди. Вы с Гэбриелом просто идеально смотрите вместе. Мы с Эдом счастливы за вас.

Видно, как она довольна, но у меня сразу возникает то же ощущение, что и вчера вечером: какое-то тревожное трепыхание в животе, будто внутренности узлом завязываются. Я задерживаю дыхание, стараясь подавить пульсацию, и улыбаюсь Джиджи:

– Мне очень повезло.

– Только помни, что и Гэбриелу тоже повезло. Хорошо?

Вижу по ее глазам, что она угадала мои мысли. Как человек без прошлого, без семьи и с едва намеченной карьерой, я мало что могу предложить Гэбриелу. Он человек умный и успешный, пользуется популярностью и всеобщей любовью, из фантастической семьи. Его родители, Блайт и Тед Оливеры, открыли галерею в центре Филадельфии вскоре после свадьбы, то есть 32 года назад. Блайт – скульптор, Тед ведает закупками. Галерея специализируется на современном искусстве, и оба часто путешествуют в поисках новых многообещающих художников, возлагая управление повседневными делами на плечи Гэбриела и его сестры Хейли. Видно, что они – дружная семья и с удовольствием проводят время вместе, оживленно и с энтузиазмом обсуждая за обедом любые темы – от искусства до социальных мировых проблем или новостей. Для меня они как ходячее пособие по общению родителей с детьми и детей между собой. Каждый раз думаю: а какой могла быть моя собственная семья? Есть ли у меня братья или сестры? Было ли нам так же хорошо вместе, как Гэбриелу и его родным?

А потом ставлю себя на место Блайт. Как бы я отнеслась к тому, что мой сын женится на женщине без прошлого? Ни данных о рождении, ни медицинских справок. Ни малейшего понятия о том, что у нее за плечами. Я гадала бы, нет ли у нее в семье психических заболеваний, или зависимостей, или... или... Тысяча вопросов и ни единого ответа. Блайт и Тед наверняка задавались теми же вопросами. Да и как иначе?

– Эддисон!

Суровый голос Джиджи заставляет меня вздрогнуть, и я поднимаю глаза.

– Опять грузишь себя, прекрати это. Гэбриел и его семья тебя любят, это ясно как божий день. Ты чудесная женщина, добрая и заботливая, не говоря о том, что умница и красавица.

Тут она улыбнулась своим словам.

– Честное слово, хватит думать, что ты жалкая бродяжка и не заслуживаешь счастья.

– Я могу хоть целый день убеждать себя, Джиджи, но это не значит, что у меня получится, – покачала я головой. – Ты не понимаешь. Ты и *не можешь* понять, что значит не иметь прошлого, не знать, кто ты такая.

– Ты права, золотце. Я не могу почувствовать то же самое. Но ты не должна казнить себя. Ты не сама решила все забыть.

– Но *что* я сделала сама? А вдруг что-то страшное, потому и захотела забыться?

– Да не сделала ты ничего страшного. И человек не может устроить себе потерю памяти. Она случается *из-за чего-то*.

Джиджи вскидывает руки ладонями вверх.

– От травмы головы или еще какой-нибудь. Из-за чего-то.

Я вздыхаю и потираю лоб.

– Я уже сто раз тебя спрашивала, но ты не могла бы еще раз вспомнить тот вечер, когда Эд привез меня сюда? Я ничего необычного не сказала, не сделала?

Это бессмысленный вопрос. Даже не знаю, зачем спросила.

Сколько раз проживала я каждую деталь того вечера два года назад? Я вымокла до нитки, еле волочила ноги, хромала и чувствовала себя так, будто вот-вот упаду в обморок. Было невозможно вздохнуть, горло точно забило песком и пылью. Безумно хотелось пить, и я четко осознавала, что обязательно должна остановить кого-нибудь.

Я выбралась на дорогу и, спотыкаясь, побрела по обочине, пока не обессилела настолько, что уже не могла ни идти дальше, ни голосовать. Не знаю, много ли времени прошло, прежде чем я увидела фары грузовика. Он проехал совсем близко, и воздух со свистом вырвался из моих легких, как из сдутого шарика, и по щекам побежали слезы. А потом, о чудо, он остановился, сдал назад, доехал до меня, и дверь с пассажирской стороны открылась.

– Подвезти вас, девушка? – низкий голос, обволакивающий, как бальзам.

– Да, пожалуйста, – ответила я, дрожа.

– Залезайте, – сказал водитель, протянул руку и помог мне подняться по ступенькам в кабину.

Я захлопнула дверь и обхватила себя руками. Он внимательно разглядывал меня.

– С вами все в порядке?

Я посмотрела на свои порванные штаны, засохшую кровь на руках. Голова гудела, а когда я дотронулась рукой до лба, все тело скрутило от боли.

– В порядке. Можно мне... у вас есть вода?

Он открыл бардачок, дал мне оттуда холодную бутылку и тронул фуру с места. Первое время он ехал молча, не спуская глаз с дороги. Потом спросил:

– Куда направляетесь?

Я задумалась. Ни малейшего понятия.

– Туда, куда вы едете.

Удивленный взгляд.

– Я еду в Пенсильванию. Уже десять дней в пути.

– Пенсильвания. Годится.

За окном мелькали высокие сосны. Я повернулась к нему.

– А сейчас мы где?

– Нью-Джерси.

Он нахмурился, опять удивленно взглянул на меня и переключился обратно на дорогу.

– У вас кто-нибудь есть в Пенсильвании?

– Трудно сказать, – неловко ответила я.

– Это не мое дело, конечно, но ездить автостопом довольно-таки опасно. Вы представляете, чем это грозит? Особенно молодой женщине?

У меня в животе что-то судорожно сжалось. Не намекает ли он, что я зря подсела к нему в грузовик? Я промолчала.

Наверное, он понял, что напугал меня, потому что поднял руку:

– Не волнуйтесь. Со мной вы в безопасности. Я состою в одной организации, она помогает тем, кто попал в беду.

Он снова бросил на меня взгляд, теперь уже обеспокоенно.

– Выглядите неважно. Какая-то бледная. Я могу съехать с магистрали и отвезти вас в больницу. Мне несложно.

Живот скрутило совсем, и нахлынула паника. Не знаю, отчего меня обьял такой ужас.

– Не надо, пожалуйста. Все нормально. Честно. Пожалуйста. Не останавливайтесь.

Он потер подбородок.

– Ладно. Но как только доберемся до Филадельфии, сразу покажем вас доктору.

Позже Эд рассказывал, что действовал вопреки тому, что подсказывал здравый смысл: что-то в моем голосе заставило его продолжать путь.

Я с облегчением вздохнула, прижалась головой к окну и закрыла глаза. Сон уже одолевал меня, но тут прозвучал низкий голос Эда, и я вздрогнула:

– Как вас зовут? Вы местная?

Как меня зовут? Никак. Я крепко зажмурилась и постаралась сосредоточиться, но в голове был сумбур и туман. Тогда я сделала глубокий вдох и приготовилась рассказать ему правду. Рано или поздно она все равно вышла бы наружу.

– Не знаю. Дело в том, что... – я остановилась и снова набрала воздуха. – В общем, я помню только, как шла по дороге, держась за голову, а до этого ничего не помню.

– То есть вы не помните, как поранились?

– То есть я не знаю, кто я. Я помню только то, как шла по дороге и села к вам в машину.

Эд тихонько присвистнул.

– Амнезия?

– Наверное.

У меня совсем не осталось сил на разговоры.

– Я очень устала. Вы не возражаете, если я просто отдохну немного?

– Конечно. Не хотите перебраться на спальное место? Там удобнее.

В более адекватном состоянии я бы, может, и поосторожничала, снова заподозрив угрозу, но не в такой степени измотанности: я еле держалась прямо. Извернувшись назад, я увидела за креслом большую кровать, которая так и манила вздремнуть. Эд съехал на обочину, я протиснулась туда и заползла под мягкое зеленое одеяло, пахнувшее свежей хвоей. Телу стало тепло и уютно, и остаток путешествия я проспала мертвым сном.

Когда мы добрались до дома, Эд разбудил меня.

– Эй, – сказал он, легонько ткнув меня пальцем. – Просыпайтесь. Приехали.

Я подняла голову, шурясь на ярком свете, который лился через окна мне прямо в рот, через зубы, как будто запачканные песком. Эд помог мне вылезти из кабины, и я заметила, что исчез прицеп. Я в замешательстве поглядела на Эда.

– Груз довез. Вы проспали остановку, – объяснил он, беря меня за руку. – Давайте-ка пройдем в дом и рассмотрим вас поближе.

Мы прошли по дорожке до одноэтажного белого домика в стиле кейп-код, с темно-синими ставнями и цветочными ящиками у каждого окна. По другую сторону широкого двора с массой деревьев стоял просторный гараж. Розовые и васильково-синие цветы под окнами пенились через край, и вообще дом выглядел очень гостеприимно. Не успели мы дойти до двери под маленьким навесом, как она открылась и миниатюрная женщина с копной рыжих волос протянула мне руку и произнесла:

– Заждалась вас обоих. Я Джиджи. Проходите в дом.

– Привет, дорогая, – сказал Эд, быстро обняв ее на пороге. – Вот девушка, которой нужна наша помощь.

Я сообразила, что, пока я спала, Эд позвонил жене и предупредил, что привезет домой автостопщицу, которая слегка не в себе.

Не теряя времени даром, Джиджи провела меня на кухню, безусловно чистую, и усадила. Осмотрев мою голову, она повернулась к Эду и что-то сказала, но я не расслышала, что именно.

– Надо отвезти вас в больницу, просто на всякий случай, – теперь она уже обращалась ко мне. – На поверхности ничего особенно страшного, но я не вижу, что внутри. Пусть назначат обследование, чтобы иметь полную картину.

Тут я осознала, что сильно голодна и не помню, когда в последний раз ела. Словно прочитав мои мысли, Джиджи поставила передо мной чашку чая и английскую булочку с маслом.

– Только поешьте сначала, – сказала она, легонько потрепав меня по спине. И я сразу поняла, что именно такой женщины мне в жизни не хватает, что бы это ни значило.

4. Эддисон

К сожалению, Гэбриел не поехал сегодня к матери вместе со мной, посчитав, что нам с Блайт будет удобнее провести вечер вдвоем, получше узнать друг друга и обсудить свадебные планы. Она явно старается, чтобы я чувствовала себя комфортно, но я все равно ее побаиваюсь, и за полчаса езды от дома Джиджи и Эда до Честнат-холла мое беспокойство только возрастает. На секунду притормаживаю на подъездной дорожке. Странная вещь – амнезия: ты забываешь факты, но не навыки. Я могу забыть, кто я и была ли у меня когда-нибудь машина, но буду помнить, как водить ее. Паркую «kia», глушу мотор и подхватываю с пассажирского сиденья папки, взятые по настоянию Блайт. Они набиты вырезками из свадебных журналов, которыми она меня снабдила, велев отобрать все, что мне нравится.

Я представляла себе скромную свадьбу, только для близких: Эда, Джиджи, семьи Гэбриела и, возможно, кого-то из их ближайших друзей. Но месяц назад, когда мы сказали его родителям, что хотим пожениться, дело приняло иной оборот. Мы как раз сидели у них дома, в столовой, и пили кофе после обеда. Гэбриел объявил о нашем намерении, и я увидела, как краски исчезли с лица Блайт. А Тед улыбнулся и сказал:

– Ну что ж, я подозревал, что все серьезно. Поздравляю, сын.

Взгляд в мою сторону.

– Добро пожаловать в нашу семью, Эддисон. Рад за вас обоих.

Блайт быстро взяла себя в руки и улыбнулась:

– Вы уже выбрали день?

– Мы хотим простую свадьбу. Чем скорее, тем лучше, – Гэбриел посмотрел на меня через стол. – Да, Эдди?

– Да.

– Что ж, я понимаю, вы не хотите терять время, и маленькие свадьбы – это чудесно, – сказала Блайт. – Но, может быть, мы с Эддисон обсудим это немного подробнее, прежде чем вы примете решение окончательно? Ты не возражаешь?

Она посмотрела прямо мне в глаза.

И вот я явилась к ней с этими папками, иду от машины к дому с некоторой опаской, однако надеясь, что мы договоримся о чем-то маленьком и неторжественном. Я уже у крытого входа, Блайт стоит в дверях, на ней белые брюки из струящейся ткани и бирюзовая туника. Из украшений только пара золотых колец в ушах. Она выглядит и повседневно, и элегантно, очаровывая меня изяществом и непринужденностью манер.

– Эддисон, – произносит она, широко улыбаясь, и привлекает меня к себе, обдав ароматом духов. – Проходи, моя милая.

Она выпускает меня из объятий и закрывает дверь. Я роняю одну из папок.

– Прошу прощения, – говорю я, нагнувшись и поднимая папку.

– О, замечательно, Эддисон. Ты принесла фотографии. Надеюсь, поделишься со мной идеями.

– Конечно, с удовольствием.

– Грейс поставила нам тарелку вкуснейшего песочного печенья и ромашковый чай на веранде, – говорит Блайт, показывая дорогу.

Возможно, в той жизни, которую я не помню, мне случалось бывать в таких роскошных домах, но я все равно каждый раз испытываю благоговейный трепет в семейной резиденции Гэбриела – величавом каменном здании с отдельным флигелем под гаражи. Мы с Гэбриелом встречались уже несколько месяцев, когда однажды на выходных он привез меня сюда показать дом в отсутствие родителей, и я ахнула при виде этих комнат – одна прекраснее другой. В обширной гостиной – три секции, где можно расположиться компанией, рояль и французские

окна, ведущие на террасу перед бассейном. Библиотека – рай для книголюба, тихое убежище с темно-зелеными стенами, стеллажами от пола до потолка, безразмерными кожаными диванами и креслами. Но мне больше всего понравилась веранда – светлое остекленное пространство с купольным потолком, заполненное растениями и цветами, из-за чего кажется, что ты в саду. Прекрасная комната, я могла бы поселиться там навечно.

На веранде Блайт устраивается за стеклянным столиком у окна и приглашает меня сесть напротив. Я сажусь и кладу на стол свои вырезки, а перед ней уже лежит папка с буклетами и распечатками.

– Теперь давай обсудим, чего бы тебе хотелось, – говорит Блайт и снова улыбается мне.

Я смотрю на ее лицо, такое красивое и на удивление лишенное морщин.

– Я решила... – начинаю я и сама себя перебиваю, – то есть мы с Гэбриелом решили, что хотим что-нибудь скромное, без затей. Мы даже подумали, что неплохая идея – провести брачную церемонию в галерее, а потом пообедать в ресторане или здесь, у вас дома. Только семья и кое-кто из друзей.

Я пытаюсь угадать мысли Блайт, но ее лицо невозмутимо.

– Понятно, – произносит она.

Я поспешно продолжаю:

– Мы надеялись пожениться где-нибудь в ноябре. Вряд ли организация свадьбы займет много времени.

Блайт неторопливо разливает чай и подает мне чашку на блюдце. Я с благодарностью беру печенье с белой тарелки, которую протягивает мне Блайт, но замечаю, что сама она к нему не притрагивается. Она отпивает чай, секунду медлит с чашкой в руках, затем ставит ее на место. Наклонившись через стол, она берет мою руку в свои.

– Я понимаю, ты не хочешь ничего лишнего, и не подумай, что я старомодна, но не могла бы ты меня выслушать?

– Конечно.

Она убирает руки и делает еще один глоток чая.

– Во-первых, я хочу, чтобы ты знала: я вижу, как счастлив с тобой Гэбриел, и рада этому. Найти любовь – такое событие, которое стоит отметить, и вряд ли я преувеличу, если скажу, что мне бы очень хотелось поделиться счастьем сына и его серьезным решением со всеми родными и друзьями. Я хочу, чтобы все они познакомились с тобой, Эддисон, и присутствовали в важный для тебя и Гэбриела день. Понимаешь ли ты это?

– Думаю, да, – говорю я, уже чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля.

– Это важное событие в вашей жизни, и его нельзя проскочить впопыхах. У нас достаточно средств, чтобы подарить тебе чудесную свадьбу, как полагается. Мы с тобой и Хейли выберем свадебное платье, это будет такое развлечение! Если хочешь, мы могли бы провести церемонию и прием в загородном клубе. Но если тебе интересно посмотреть другие варианты, пожалуйста. Мы сделаем все, что ты хочешь.

Блайт берет папку и передает мне.

– Вот, я подобрала для тебя. Это информация о разных местах, о флористах, фотографах и так далее. Вы с Гэбриелом можете изучить все это дома. Я договарюсь о встрече с Филиппой Морган, посмотрим свадебные платья. Если хочешь, даже в Нью-Йорк съездим.

У меня голова идет кругом от ее планов. Звучит устрашающе: платья, примерки, меню, списки гостей, да еще стоять и произносить клятвы друг другу перед кучей народа. Я засовываю буклеты в свою папку.

– Я покажу Гэбриелу и спрошу, что он об этом думает.

Теперь ее лицо выражает решительность.

– Гэбриел сделает все, чего тебе захочется.

Стало быть, выбор за мной. Если я буду перечить, то замужняя жизнь начнется с жирного минуса напротив моего имени.

– Вы правы, Блайт. Мы просмотрим брошюры и выберем место. С этого и начнем, – тут я делаю паузу. – Сейчас почти середина сентября. Как вы думаете, получится организовать все к ноябрю?

– О нет, милая. Мероприятия такого масштаба требуют долгой и тщательной подготовки. Она наклоняется ко мне.

– Но в следующем году в это же самое время вы будете танцевать свой первый супружеский танец.

Добравшись до машины, я первым делом звоню Хейли, которая, к счастью, сразу берет трубку.

– Привет, это я. Только что попрощалась с твоей мамой.

– И как прошло? – спрашивает она.

– Не так, как я надеялась. Я пришла с мыслью, что она согласится на скромную свадьбу, а в итоге сама согласилась на фурор года.

Слышу смешок Хейли.

– Так я и думала. Очень люблю маму, но если уж она что решила, то разубеждать бесполезно.

И уже серьезным голосом:

– Понимаю, тебе не хочется быть в центре внимания целой орды их друзей, но, с другой стороны, вы с Гэбриелом наверняка будете так сосредоточены друг на друге, что перестанете обращать внимание на остальных.

– Может быть, не знаю. Но всю эту махину придется готовить целый год.

– Хм. Об этом я не подумала. Но я уверена, время пролетит быстро. И я тебе точно говорю, это будет незабываемый день, и ты останешься совершенно довольна. Понадобится помощь – я всегда рядом, ты же знаешь.

– Да. Спасибо, Хейли. Конечно, ты права, – говорю я, хотя все еще сомневаюсь. – Я позвоню тебе завтра. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сестрица, – отвечает она и вешает трубку.

Дома я иду в спальню переодеться в уютный спортивный костюм вместо льняных брюк и шелковой блузки. Со вздохом сажусь просматривать папку Блайт. Открываю и вижу разделители, на которых ее аккуратным почерком выведено: «ПОДАРКИ ПОДРУЖКАМ НЕВЕСТЫ И ШАФЕРУ», «МУЗЫКА», «СУВЕНИРЫ ГОСТЯМ», «ЦВЕТЫ», «ПРИГЛАШЕНИЯ», «ФОТОГРАФЫ», «МЕСТА». Она продумала все. Листая первый блок, я с тяжелым чувством осознаю, что единственная женщина, с которой я дружна настолько, чтобы пригласить в подружки невесты, – это Хейли. За два года в Филадельфии я так и не завела друзей, кроме Гэбриела и его семьи.

Первый буклет – «Тиффани»: великолепные браслеты, ожерелья, серьги, подвески, самая низкая цена – 300 долларов. Мне не по карману, я не зарабатываю столько в фотомагазине. Хотя Блайт и Тед и предлагают покрыть *все* расходы, эту часть я хотела бы оплатить сама. Есть буклеты из других магазинов, о большинстве которых я даже никогда не слышала. В последнем красуются фигурки «Ладро»: фарфоровые женихи, невесты и подружки невесты.

Я переворачиваю буклет, с другой стороны вижу картинку: две девочки сидят на скамейке, одна обнимает другую за плечи. В голове вспыхивает воспоминание, и буклет выпадает из моей дрожащей руки. Я сижу в темной комнате, вокруг могу различить только тени. Обнимаю за плечи кого-то, кто сидит рядом, и эти плечи трясутся.

– Тсс, он тебя услышит, – шепчу я, чтобы она замолчала.

– Не делай этого, – шепчет она в ответ. – Ты не сможешь.

Я отпускаю ее и шарю под матрасом, пока рука не нащупывает что-то твердое. Ствол ружья. Я крепко сжимаю его и слышу другой голос, исходящий от кого-то еще:

– Убей его, ты должна его убить.

Звонок телефона возвращает меня обратно в реальность. Я ловлю ртом воздух, откидываю прядь со взмокшего лба. Оглушенная, с трудом встаю и беру телефон с кухонной стойки. На экране имя Гэбриела. Выдыхаю и отклоняю вызов. Не могу говорить с ним прямо сейчас. Закрываю глаза, пытаюсь вернуть воспоминание, но безрезультатно. Единственное, что осталось, – ярость такой силы, что, прежде чем осознать свои действия, я со всего размаху швыряю телефон в стену и, даже не глядя, знаю, что дисплей разбит вдребезги.

5. Джулиан

Джулиан поставил перед Валентиной тарелку с сахарным печеньем. От одного отломил кусочек и сунул себе в рот. Пек по рецепту Кассандры, но получилось не то. Да и все теперь было не так. Вздыхнув, он взял стакан с минералкой и облокотился на кухонную стойку.

– Спасибо, пап, – пробормотала Валентина с полным ртом.

– Наконец-то дождь кончился, – сказал он. – Что бы нам такого придумать?

Валентина посмотрела на него, широко раскрыв глаза.

– А пойдем в «Америкэн Гёл», где куклы? Ну пожалуйста.

Отец снисходительно улыбнулся и кивнул. Конечно, он баловал дочь, но она такой славный ребенок и столько пережила – Джулиан был готов на что угодно, лишь бы она была счастлива.

– Ты уже знаешь, какую куклу хочешь?

Она торжественно кивнула.

– Я хочу куклу с зелеными глазами, как у меня и мамы. И темными волосами, как наши. Так я маму точно не забуду.

Ему пришлось собрать волю в кулак, чтобы не показать, какую боль причинили ему эти слова. Он протянул руки, Валентина подбежала и крепко обняла его. Когда она разжала объятия, он легонько взял ее за подбородок и посмотрел ей в глаза.

– Ты не забудешь маму, солнышко. Обещаю. Ведь мы каждый вечер смотрим на ее фотографию, перед тем как о ней помолиться.

У Валентины задрожала нижняя губа.

– Почему она ушла? Не любит нас больше?

Это уже что-то новое. Они много раз говорили об исчезновении Кассандры, но Валентина была очень умной девочкой для своих семи лет и чем старше становилась, тем больше задавала вопросов.

– Конечно, любит. Она пытается вернуться. Надо только запастись терпением и ждать.

Валентина нахмурилась.

– Не хочу ждать. Так нечестно.

Джулиан еще раньше заметил, что ее обычно радужное настроение в последнее время изменилось: она все чаще капризничала, даже скандалила иногда. Он сжал ее руку.

– Понимаю, моя принцесса.

Он спрашивал себя, правильно это или нет – поддерживать в ней надежду. Чтобы поиски продолжались, он все еще платил каждый месяц внушительную сумму детективу. Но он не мог поверить и никогда не поверит в то, что Кассандра мертва. Если бы она покинула этот мир, внутреннее чутье подсказало бы ему это. И он бы не поверил без доказательств. Где-то она существует, и когда-нибудь он вернет ее домой. В этом он был уверен.

* * *

В тот вечер, уложив дочку спать, Джулиан подошел к туалетному столику Кассандры, выдвинул ящик и вынул кожаный дневник, который нашел после ее ухода. Подробная хроника их совместной жизни словно приближала его к Кассандре, чтение умиротворяло, как если бы она еще была рядом. Он уселся в глубокое кресло у кровати и открыл дневник на первой странице, уже не раз перечитанной.

Джулиан сделал мне предложение! Пригласил меня пообедать в «Рикардс», заказал бутылку их самого дорогого шампанского. Я тотчас

увидела, что на дне хрустального бокала блестит бриллиант. Кольцо подходит мне совершенно, конечно, как и сам Джулиан. Кажется, жизнь наконец-то повернула в правильное русло. Последние месяцы он был моей защитой и опорой, но я и мечтать не могла, что он чувствует ко мне то же, что я к нему. Наконец-то у меня будет собственная семья. Мы заговорили о детях, и он сказал, что хочет их так же сильно, как я. Пора мне распрощаться с мучительным прошлым и обратить взгляд в прекрасное будущее.

В груди защемило, он вздохнул и закрыл дневник. Как она была красива в тот вечер! В течение нескольких недель он до мельчайших подробностей планировал, как будет делать предложение. Ответ он наперед не знал, но все понял по ее взгляду, когда она заметила кольцо. И, в отличие от многих знакомых пар, они не охладели друг к другу с годами, наоборот, их любовь стала крепче.

Он встал, вышел из комнаты и приблизился к детской. Осторожно приоткрыв дверь, он проверил, спит ли Валентина. Своими черными как смоль волосами, которые веером лежали на подушке, и безупречной фарфоровой кожей она даже во сне была поразительно похожа на Кассандру. Это сходство было ему и утешением, и проклятием. Он тихо шагнул вперед и остановился у кровати, глядя на Валентину.

– Не волнуйся, радость моя. Я верну ее. Все закончится хорошо, обещаю.

6. Блайт

Блайт смотрела на сына, сидевшего по другую сторону стола, и ее переполняла всепоглощающая любовь к нему. Он пришел к ней обедать, как всегда по воскресеньям. Еще когда Гэбриел и Хейли были маленькие, Тед и Блайт договорились, что воскресенья – это святое. В остальные дни они могли бегать как заведенные – работа, спорт, другие занятия, но воскресенье обязательно посвящали семье. Утром – церковная служба, потом бранч в клубе, вечером – домашний обед, который дети, когда подросли, помогали готовить. Но в тот день удовлетворение от того, что за столом собрались самые любимые люди на свете, омрачалось неотвязной тревогой.

Блайт перевела взгляд на Эддисон и почувствовала, как в ней пробуждается привычный боевой дух. Эддисон и Гэбриел, несомненно, очень любят друг друга. Он влюбился по уши и сразу, а она, трудно отрицать, казалась доброй и заботливой. К тому же это очень красивая женщина: бледная кожа, глаза как сверкающие изумруды – полная противоположность белокурой и голубоглазой Дарси, с которой у Гэбриела были серьезные отношения, пока он не встретил Эддисон.

Остальных членов семьи, похоже, не смущал тот факт, что прошлое Эддисон целиком окутано тайной. Хейли обожала ее и называла «сестра, которой у меня никогда не было». Теда как будто тоже не беспокоило, что сын женится на женщине, которая сама знает себя не лучше, чем остальные. Но Тед вообще всех любил. Да и Блайт невеста сына не то чтобы не нравилась. В конце концов, как напомнил ей Гэбриел, Эддисон не виновата, что у нее амнезия.

Блайт помнила, с каким выражением лица он пришел и сказал ей, что открыл новый талант: таким, будто нашел бездомную собаку или потерявшегося котенка. Он без остановки говорил о прекрасной и талантливой молодой женщине, которую спасли добрые люди, и Блайт сразу поняла – дело пропадающее. Если бы это Хейли привела Эддисон в дом, размышляла Блайт, она с радостью приняла бы ее как названую дочь. Больше всего ее тревожило, что однажды Эддисон вспомнит, кто она, и вернется в свою прежнюю жизнь. Насколько они знали, замужем она уже побывала. И у Блайт зародилось зловещее предчувствие, что Эддисон разобьет ее сыну сердце.

– Мама, ты меня слушаешь?

– Что? – спросила она, застигнутая врасплох.

– Мы с Эдди пойдем на «Красавицу» в следующий четверг, ну этот мюзикл Кэрол Кинг. Вы с папой не хотите присоединиться? Можем где-нибудь пообедать сначала.

– Звучит заманчиво. Как думаешь, Тед?

Блайт оставалось переделать уйму дел, в субботу намечалась вечеринка по случаю дня рождения Теда, но она все равно была благодарна за приглашение и ничем не хотела обидеть Эддисон. Она догадывалась, что идея взять их с Тедом в театр принадлежала именно Эддисон. Блайт не то чтобы ждала этого, но когда Гэбриел встречался с Дарси, они все время ходили вдвоем в театр, и ему редко приходило в голову пригласить родителей. А с тех пор как на сцене появилась Эддисон, он стал проводить с семьей гораздо больше времени. Блайт хотелось верить, что Эддисон страстно желает быть частью семьи, но порой она невольно задавалась циничным вопросом, не втирается ли эта женщина к ним в доверие. Блайт сама ненавидела подобные мысли, но мать привила ей осторожность, необходимую при их богатстве.

Тед улыбнулся.

– Конечно, отличная идея.

– Я очень рада, что вы пойдете с нами, – сказала Эддисон, тепло улынувшись.

Когда они кончили обедать, Эддисон вскочила и принялась собирать тарелки. Блайт подняла руку.

– Не нужно, милая. Грейс все сделает.

Она постаралась произнести это без досады. Эддисон обедала у них не первый раз, и Блайт раздражало, что приходится все время напоминать о наличии прислуги. Зачем она так настойчиво убирает свою тарелку, что это – маленький бунт против их образа жизни?

– Простите, – сказала Эддисон, покраснев. – Наверное, у меня была такая привычка. Хотела бы я это знать.

Гэбриел быстро взглянул на мать, и она подавила вздох.

– Понимаю. Я не хотела ставить тебя в неловкое положение. Давайте выпьем кофе в гостиной.

Гэбриел одобрительно кивнул, и Блайт снова подумала, насколько все непросто. Вырази она малейшее сомнение в его привязанности к Эддисон, это лишь усилит его упорство. У него золотое сердце, но воля железная – если он свернет с пути, то исключительно по своему выбору.

Тем не менее защитный инстинкт обеспечил Блайт перевес. Гэбриел и Эддисон согласились на помолвку длиною в год, чтобы организовать свадьбу как следует. Значит, у нее есть целый год, чтобы выяснить все, что нужно, об Эддисон, или как там ее зовут на самом деле. С этой целью Блайт уже записалась на прием к детективу. Какой бы милой и обаятельной ни казалась Эддисон, Блайт просто не позволит ей войти в семью, пока не узнает, кто она на самом деле.

7. Эддисон

Мы притормаживаем у дома Оливеров, и меня снова поражает его величественность. Гэбриел паркует свой «ленд ровер», тут же лакей открывает дверцу со стороны пассажира, занимает место Гэбриела за рулем и отгоняет машину. Сегодня шестьдесят лет Теду, и Блайт устраивает в его честь грандиозное застолье с более чем сотней гостей. Никак не могу привыкнуть к тому, какой у них широкий круг знакомств и как часто бывают приемы. Гэбриел тоже общителен и любит проводить время в большой компании, и меня, при моей склонности к общению наедине, это беспокоит.

Едва переступив порог, я вижу Дарси. Они с Блайт сидят у обеденного стола и разговаривают. Дарси очень красива сегодня: платье-комбинация с цветочным узором, высокие плетенные сандалии, белокурые волосы не собраны у шеи, как обычно, а распущены. Всегда удивляюсь, насколько уверенной в себе и в своем месте в мире выглядит Дарси. Она общается непринужденно и с удовольствием, и в этом источник ее обаяния.

Особенно это касается общения с моей будущей свекровью. Они склонились друг к другу и разговаривают с видимым интересом и оживлением. Злюсь на себя за то, что их взаимоотношения вызывают у меня досаду. Знаю, родители Гэбриела надеялись и ожидали, что они с Дарси в один прекрасный день поженятся. Вот его мать поднимает голову и видит нас, улыбается, машет рукой, и я чувствую, как у меня сжимается горло.

– Опоздываешь, мой милый. Зачем покупали новые часы, раз ты ими не пользуешься? – дразнит она Гэбриела и целует его в щеку.

Затем берет за руки меня:

– Я так рада тебя видеть, Эддисон. Выглядишь просто чудесно.

Блайт всегда внимательна и добра ко мне; впрочем, она радушна ко всем.

– Спасибо, – отвечаю я, улыбаясь как можно приветливее, и поворачиваюсь к Дарси. – Привет, Дарси!

– Гэбриел, Эддисон, привет! – говорит Дарси с легким кивком.

Она явно испытывает неловкость, но любезна. Ей с детства привили хорошие манеры, и это чувствуется. Все-таки интересно, ненавидит ли она меня. Когда мы с Гэбриелом познакомились, они с Дарси встречались. Позже он сказал мне, что порвал с ней еще до нашего первого свидания. Да, он настолько порядочен. И все же она его еще любит. Вижу это по тому, как она на него смотрит: улыбка бледнеет, а в глазах появляется печаль.

– Рад, что ты пришла чествовать папу, – говорит Гэбриел.

Неловкое молчание, которое, слава богу, быстро нарушает Блайт:

– Дарси как раз рассказала мне чудесную новость, – она обнимает Дарси за плечи и притягивает к себе. – На следующей неделе у нее второе прослушивание с Филадельфийским оркестром!

Гэбриел восхищенно улыбается.

– Дарси, потрясающе! Вот это да! В каком качестве?

– Вторая скрипка. Несколько недель назад было прослушивание перед комиссией, а вчера они позвонили и пригласили прийти снова.

– Надо быть ненормальными, чтобы тебя не выбрать, – искренне говорит Гэбриел. – Ты шла к этому все время, сколько я тебя знаю.

Ее лицо светлеет.

– Помнишь, какие мы устраивали представления, когда были маленькие? Я играла, а ты пел. Бедные наши родители, мы заставляли их часами сидеть и слушать.

Блайт смеется.

– Я уже и забыла. У тебя и тогда хорошо получалось.

Она поворачивается к Гэбриелу.

– Не обижайся, но я рада, что ты не стал делать певческую карьеру.

Гэбриел отвечает матери недовольным взглядом.

– Ну спасибо. Раз так, буду петь «С днем рождения» как можно громче.

Все смеются, а я стою с застывшей улыбкой, стараясь не показать, насколько лишней себя чувствую. Осознает ли Дарси, как ей повезло, что она с детства знала, чем хочет заниматься в жизни? Она такой талантливый и опытный музыкант, что, хотя ее основной инструмент – скрипка, великолепно играет и на фортепиано. Мне вообще кажется, Дарси удастся абсолютно все: теннис, плавание под парусом, верховая езда – да что угодно.

А мне удастся фотография, наблюдение за другими. Может, потому, что я больше смотрю, чем участвую? Меня снова одолевают сомнения и острое желание убежать. Но сколько можно убежать. Джиджи не устает напоминать мне, что со временем я накоплю воспоминания. Пройдет десять лет, двадцать. У меня снова будет прошлое, и за это стоит побороться. Надо смириться с тем, что Дарси помнит всю свою жизнь и во всех ее воспоминаниях присутствует Гэбриел. Что бы я себе ни говорила, какая-то часть меня все время ждет, что он опомнится и скажет, что возвращается к Дарси, что со мной он был то ли ради разнообразия, то ли в благотворительных целях. Я с трудом глотаю ком в горле и присоединяюсь к поздравлениям в адрес Дарси, гоня от себя навязчивые мысли.

– Спасибо, – произносит она и уходит, извинившись.

Блайт, наверное, заметила мое смущение и смотрит на меня ободряюще, но Гэбриел ничего не замечает.

– Пойдем, возьмем что-нибудь выпить.

Он протягивает мне руку, и мы проходим дальше в комнату, посылая приветственные кивки в море друзей, стоящих небольшими группами. Ко мне приближается пара, старые школьные друзья Гэбриела, и мы обмениваемся дежурными фразами. Однако я слушаю вполуха, оглядывая комнату в поисках Дарси. У меня внутри все сжимается, когда я вижу, как она подходит к Теду и тот по-медвежьи стискивает ее в объятиях. Она вручает ему маленькую коробочку в обертке, и я снова вспоминаю о том, что у нее с семейством Оливеров долгая общая история. Гэбриел следит за моим взглядом и кладет мне руку на плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.